

В годы войны он был летчиком-истребителем. Воевал на многих фронтах. Совершил 284 боевых вылета, участвовал в 37-ми воздушных боях. Сбил 11 вражеских самолетов.

В 1937 г. стал членом ВЛКСМ, а в грозный 1942 год под Сталинградом вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза. Его ратный путь отмечен двенадцатью боевыми наградами.

На фронте, в свободное от полетов время, Ростислав Александрович Лоренц увлекался поэзией, стихи печатались во фронтовых газетах.

Сейчас Р. А. Лоренц работает в одном из камчатских аэропортов. Часто выступает перед молодежью с воспоминаниями.

1. В первые дни войны

В ИЮНЕ 1941 года завертелось военное колесо истории, и мы, молодые парни, бойцы Красной Армии, с головой окунулись в круговорот неудержимых военных событий. До сих пор, несмотря на тридцатилетнюю давность, свежи отдельные эпизоды, и вряд ли когда-нибудь можно будет вычеркнуть их из памяти.

В то суровое время наш истребительный авиаполк стоял на полевым безымянном аэродроме, который находился в стороне от проезжих дорог, затерянных среди лесов и непроходимых болот.

Полком командовал майор Хлусович, лет тридцати пяти от роду, очень душевный человек и бесстрашный летчик, герой испанских событий 1938 года. Даже в самые трудные минуты у него находились теплые и нужные слова. Среди ребят он пользовался безграничным авторитетом. Вообще на войне крепко ценили храбрых и толковых людей, особенно среди командиров. Наш Иван Васильевич был особого склада командир. Вот пример. Однажды, несмотря на огромную занятость, он вызвал меня в штабную землянку и прямо, уставо глядя в глаза, спросил:

— Лоренц, у тебя есть девушка, которая тебя ждет?

От неожиданности я даже растерялся и, наверно, покраснел, но затем, собравшись с духом, ответил:

— Есть, в Москве...

— А как ее зовут? — продолжал интересоваться Хлусович.

— Аля Добрынина!

— Так почему же ты ей не пишешь? — уже с укором закончил он.

И действительно, почему я прекратил переписку? Я и сам себе не мог дать ответа. А может, тогда было не до писем? Да, нет! Другие же, наверно, писали. Оказывается, девушка, с которой мы познакомились еще в 1938 году, волнуясь о моей судьбе, написала на имя командира полка письмо, в результате чего и произошел этот разговор в штабной землянке. Ведь только подумать, как мог ухитриться Хлусович не только найти несколько минут, чтоб пожуричь меня, но и самому написать от-

НЕ ЗАБЫТЬ ТЕ ГОДЫ ОГНЕВЫЕ

(Фронтовые воспоминания)

ветное письмо! Приведу выдержки из этого письма, о содержании которого я сам узнал только после окончания войны.

«Дорогая товарищ Аля! — писал Хлусович. — Письмо ваше получил и сразу не ответил потому, что был очень занят, а его я поругал и заставил немедленно ответить вам по этому адресу, что вы прислали. Я вам могу сообщить, что он жив и здоров. Еще стал мужественнее и научился неплохо бить мерзавцев...».

Это письмо, пожелтевшее от времени, до сих пор хранится у меня, как дорогая реликвия военных лет, как священная память о своем бывшем командире, который погиб в 1945 году, так и не увидев салют нашей Победы.

Учитывая всю сложность окружающей обстановки, Хлусович собрал остатки полка в столовой землянке, которая иногда нам заменяла помещение клуба. По предположению командира, немцы уже наверняка обошли наш аэродром, и мы находились в тылу врага. Боеприпасы, горючее и продовольствие были — на исходе.

Хлусович коротко объяснил обстановку, сказал, что на рассвете будем перебазироваться в другой пункт. И, немного помолчав, спокойно добавил:

— Есть другие предложения?

Кто-то из молодых механиков эскадрильи робко спросил:

— А как мы?

— А вы, — ответил Хлусович, — будете выходить из окружающей самостоятельно. Инного варианта нет...

— Все, что нельзя унести с собой, уничтожить, — закончил командир. Затем он разделил людей на четыре группы, назначил старших, определил ориентировочный маршрут следования, назначил место сбора.

На следующее утро мы под-

нялись в воздух. Курсом на Калинин. Тройку краснозвездных истребителей вел майор Хлусович. Правым ведомым шел лейтенант Селиванов, левым — я, сержант Лоренц. Погода выдалась не из веселых. Низкая ровная облачность, и, что самое неприятное, полная неопределенность будущего. Временами приходилось прижиматься почти до

конвульсивно разведя ногами, застыл на месте.

Гитлеровцы разделились на 3 группы. «Неужели конец?» — пронеслось в голове. — А вдруг мотор не запуснется? Да и уйти из-под пуль не так-то просто». Первый из бегущих, на-верное, офицер, размахивая пистолетом, подскочил к моему самолету. Неуклюже забрался на

только бы хватило взлетной дистанции, а там будет видно».

Я цепко держал гитлеровца за грудь, пытаясь как можно дольше продержаться его около кабины, с тем расчетом, чтобы автоматчики не открывали огонь, ведь не будут же они стрелять по своему офицеру.

Машина быстро набирала скорость. От непосильного напряжения ломило левую руку, которой я продолжал удерживать немца, пока мощный поток воздуха не сорвал его с плоскости. Секунды выиграны. Автоматные очереди уже были не опасны, хотя солдаты не стреляли, очевидно, оторопев от неожиданности и дерзости советских летчиков.

Перед самой опушкой леса я оторвал самолет от земли, и когда он, задев колесами шасси макушки деревьев, устойчиво пошел в небо, холодные капельки пота выступили на лбу. Взлет состоялся.

— Тяни, родной! — захотелось крикнуть во весь голос.

И он тянул.

Пристроившись в воздухе к истребителю командира, я развернулся за ним и тут же понял, что Хлусович решил отштурмовать немцев. Радиосвязи в то время между самолетами не было, но договариваться было не зачем. Общая ненависть к врагу объединяла наши намерения, и решение отомстить за убитого товарища родилось одновременно. После двух заходов на летном поле осталось лежать несколько фашистских трупов, горящая машина и истребитель Селиванова.

Когда все осталось позади, и мы благополучно приземлились у своих, Хлусович выскочил пробкой из кабины, обнял фюзеляж своего самолета и несколько раз поцеловал, приговаривая: «Спасибо, родной, что выручил». Затем он подошел ко мне и дружелюбно, как-то по-отцовски, сказал: «Ты, наверно, тоже будешь воевать долго, — и помолчав, добавил, — до победы!».

И только после этого я понял, из какой страшной ситуации вынесла нас счастливая фортуна, только здесь до меня дошел весь трагизм минувшего события. Тогда я еще не предполагал, что впереди ждут три года кровопролитных боев, что придется совершить сотни боевых вылетов, провести десятки воздушных боев с ненавистным и сильным врагом, что удастся дожить до великой Победы!

Потом был получен приказ главкома, и остатки нашего полка перебазировались в другой город для пополнения личным составом и новыми самолетами, где, кроме нас, формировалось еще несколько маршевых истребительных авиаполков. Но отдыхать пришлось недолго.

[Продолжение следует]

Р. Лоренц

левую плоскость, и, ухватившись за борт кабины, заорал:

— Рус — капут! Сдавайся!

На меня уставилась идиотская рыжая морда, обдала сивушным перегаром. Немец, как филин, дико вращал зрачками, продолжая изрыгать одни и те же слова. В ответ я послушно кивал головой, что, мол, понимаю и сейчас вылезу. А сам лихорадочно соображал: «Что же предпринять?».

Мысли барабанной дробью стучали в голову. Одно решение не легче другого, но я искал оптимальный выход, искал спасения, я хотел жить! Медлить было нельзя. Жизнь висела на дуле немецкого пистолета, каждое мгновение готовая оборваться. Я пытался хоть немного успокоиться, взять себя в руки, но это плохо удавалось. Мой «ТТ» — под поясом реглана, обороняться было нечем, да и, откровенно говоря, против автоматов пистолет — не оружие.

Я незаметно нажал кнопку стартера, ну, думаю, будь что будет. И почти одновременно кулаком левой руки что было сил, — а сил в минуту смертельной опасности прибавляется вдвое, — наотмашь ударил фрица по переносице. Немец на какое-то мгновение потерял сознание, уронил в кабину свой парабеллум и уткнулся головой в мое плечо. «Занятнее» соседства не придумаешь. Еще мгновение, — и мотор, чихнув пару раз, схватил обороты. Я дал форсаж, благо двигатель был еще горячий, и машина, как норовистый коняга, задрожав, ринулась с места. Тут же я мельком увидел: поднимая облако снежной пыли, помчался на взлет истребитель Хлусовича. Взлетать приходилось с ходу, поперек аэродрома, другой возможности не представлялось. «Только бы не врезаться в лес,

бреющего полета над голой безориентирной местностью. Мы, как птенчики, пристроившись к командиру, шли плотным строем клина, боясь потерять его из виду.

Минут через сорок на горизонте показался город, над которым, как лоскуты черной шали, висели, смешиваясь с облачностью, полосы дыма.

Мы по очереди пошли на аэродром, на посадку. Нормально приземлились и, отрулив на южную окраину, выключили моторы. Ремни пока я не отстегивал. Какая-то внутренняя напряженность заставляла быть особенно бдительным. Уж больно не внушала доверия окружающая обстановка, и я никак не мог уловить, почему на аэродроме, как на кладбище, никого нет. Откинув верхнюю крышку фонаря кабины, я внимательно стал осматриваться по сторонам.

Спустя некоторое время, с противоположной стороны, из леса вынырнула грузовая автомашина, в кузове которой находилось примерно человек 12-15. Издали по серым полушубкам было трудно определить: наши это или немцы. Тем временем лейтенант Селиванов (он стоял крайним справа), вылез из кабины, снял парашют и, аккуратно положив его на конец плоскости, стал шарить по карманам, очевидно, намереваясь закурить.

Вдруг, не доезжая примерно полсотни метров до нас, машина с визгом затормозила. Солдаты соскочили на землю, бросились в нашу сторону, что-то крича и размахивая руками и автоматами. «Немцы!» — прошило, словно током, и я почувствовал, как под шлемофоном невольно зашевелились волосы. Селиванов, не долго мешкая, выхватил пистолет, но, скошенный автоматной очередью, упал лицом в снег и, несколько раз

2. История одного воздушного боя

29 ДЕКАБРЯ. Было обыкновенное трудовое утро. Мы занимались изучением района боев, когда неожиданно в землянку вошел командир эскадрильи капитан Кисляков и, не дожидаясь поздоровавшись, присел у печурки, с удовольствием потирая озябшие руки. Он и имел привычку носить пер-

— Как спалось на новом месте? — не поднимая головы, спросил он. — Звонил начальник штаба Воробьев... Есть серьезное задание, — продолжал Кисляков. — Нужна шестерка настоящих парней... Может, кто добровольцем? Или назначать?

В землянке было одиннадцать летчиков, но все, переглянувшись между собой, продолжали безмолствовать.

— Чего воды в рот набрали? Или скромность не позволяет? — гонимый он. — Что ж, похвалю и, поднявшись от печурки, уже другим голосом сказал:

— Со мной в паре пойдет Лоренц. Вторая ударная пара безродный с Амкаладзе и третий Мухин и Пасько... Кому что не ясно? — И, развернувшись к выходу, жестом велел следовать за ним.

Мы недоумевали, куда повел нас командир. Обычно полученные задания и предполетная подготовка проводились на месте.

Через несколько минут мы уже находились в штабной землянке командира полка подполковника Родионова, здесь присутствовали заместитель командира полка генерал-майор Полянин, командир дивизии полковник Иванов и еще какие-то незнакомые офицеры.

«Ну, — подумал я, — назревает что-то особенное. Не раз приходилось выполнять сложные задания, а такого скопления начальников еще не встречал».

Когда все расселись вокруг большого штабного стола, на котором лежали развернутые оперативные карты фронта, генерал Полянин, обведя нас пристальным взглядом, будто взвешивая, поставил задачу. И в заключение генерал строго предупредил:

— Имейте в виду, это персональное задание Ставки Верховного Главнокомандующего. С разведчика глаз не спускать. За все отвечаете головой. Иначе...

Но он не договорил, что будет иначе. Это и так было ясно, чем грозит потеря такого важного самолета.

— Есть, глаз не спускать, — сказал Кисляков, — и мы покинули землянку.

Задание, действительно, было совсем обычное и весьма ответственное. Только одно оставалось непонятным: почему полет доверили именно нам, а не эскадрильи капитана Милехина, не парни, на мой взгляд, были

крепче наших. Только в 1972 году я случайно нашел ответ на свой вопрос, прочитав мемуары генерал-полковника Полянина «Боевые маршруты», в которых он раскрывал эти события. Оказывается, все происходило следующим образом...

28 декабря в кабинет командующего воздушной армией генерал-майора Кондратюка вошел офицер связи оперативного штаба фронта и вручил срочный пакет.

Генерал неторопливо прочитал и, сняв телефонную трубку, спокойно, как всегда, попросил своего заместителя:

рование немецких войск.

— Вы уж, братцы, повнимательней. Сами понимаете, полетик не из прогулочных. В самое логово лезем, — доверительно закончил свой разговор полковник Коростылев.

В 10.00 в белесое ясное небо первым поднялся самолет-разведчик. А спустя несколько минут за ним стартовала наша пятерка. Самолет старшего лейтенанта Амкаладзе что-то не запускался, и ему на задание идти не пришлось.

В воздухе порядок боевого построения распределялся таким образом, что мы в паре с Кисляковым находились в непосред-

победу. Бой разгорелся жестоким. Немцы поняли, что русских меньше, и никак не хотели упустить численного преимущества. Фрицы отлично владели техникой боя и не собирались добровольно складывать оружие. Но на нашей стороне была инициатива и дружный напор.

Наконец один из немцев, очевидно не выдержав такой нечеловеческой круговерти, попытался выйти из боя, бросив машину в отвесное пики. Заметив это, я тут же бросился за ним. После двух прицельных очередей «мессера», оставляя шлейф черного дыма, загорелся и пошел на посадку...

Р. Лоренц

НЕ ЗАБЫТЬ ТЕ ГОДЫ ОГНЕВЫЕ

(Фронтовые воспоминания)

— Федор Петрович, прошу зайти ко мне.

Через несколько минут порог переступил генерал-майор Полянин.

— Завтра из Москвы вылетает специальный самолет ТУ-2, — сказал командующий. — Экипаж получил задание Верховной Ставки разведать и сфотографировать оборонительные рубежи противника на Демьянском плацдарме. Нам приказано обеспечить надежную охрану этого разведчика. Командир ТУ-2 полковник Коростылев. Надо подобрать самых надежных летчиков-истребителей. Возьмите это дело под свое личное руководство.

Вернувшись к себе, Полянин тут же связался по телефону с командиром истребительной дивизии, полковником Ивановым и предупредил:

— Через час буду у вас. Не отлучайтесь.

На месте все решилось быстро. На вопрос Полянина, кого послать на сопровождение разведчика, Иванов, не задумываясь, ответил:

— Эскадрилью капитана Кислякова. Там летчики как на подбор. Крепкие, стреляные ребята. Не подведут.

— Ну, всю эскадрилью, может, и не надо, раз такие асы. Достаточно будет и шестерки истребителей...

Таким образом, выбор пал на нас.

30 декабря, примерно за два часа до вылета на задание, к нам в землянку вместе с морозцем авалился экипаж самолета ТУ-2. Мы окончательно обговорили все детали взаимодействия в полете, особенно за линией фронта. Разведчик под нашим прикрытием должен был выполнить два захода на фотографи-

ственном прикрытии разведчика, а тройка старшего лейтенанта Безродного — выше и сзади метров на пятьсот в ударной группе.

Набрав заданную высоту в районе аэродрома, самолеты легли на маршрут. Погода стояла отменная, и воздушная обстановка благоприятствовала выполнению задания.

По данным оперативной разведки мы знали, что против Северо-Западного фронта активно орудовала 54-я эскадрилья подполковника Траутфлота, укомплектованная отборными асами. Это были матерые воздушные волки, среди которых особенно отличался Ганс Гаан.

Не успели мы пересечь линию фронта, как в наушниках шлемофона загудел знакомый голос Безродного:

— Всем внимание! Сзади вижу «мессеры»!

Меня пронзило, как током. Мгновенно обернувшись, я увидел на светлом фоне болота четыре пары тонких, как осы, истребителей. Они шли по направлению аэродрома и, по-видимому, нас еще не обнаружили, или делали вид, что не видят.

Не успел я еще ничего толком подумать, как услышал лаконичную команду Кислякова: «В атаку!»... И он, стремительно бросив машину в полупереворот, кинулся на ведущую пару противника. Еще секунда... и, не раздумывая, я бросился за командиром на вторую пару немцев, успев заметить, как еще одна наша машина ринулась за нами.

С первого же захода Кисляков зажег ведущего фашистской восьмерки. Вначале фрицы явно растерялись, потеряв своего командира, но вскоре опомнились и начали оказывать сопротивление. Они тоже рассчитывали на

Сделав еще пару виражей и убавившись, что наши пехотинцы взяли летчика в плен, я направился на свой аэродром. В воздухе уже было тихо. Ни своих, ни чужих. После одержанной трудной победы настроение было приподнятое, но какая-то внутренняя тревога не давала покоя. «Что с ТУ-2? Жив или погиб?». Предупреждал же генерал: «С разведчика глаз не спускать!» А мы... Где он теперь?

После посадки, минут через пять, приземлился и истребитель Кислякова. Я зарулил в свой капонир и выключил мотор. Мы с Пасько подбежали к командиру и помогли ему освободиться от парашютных лямок. Первое, что спросил Кисляков, это «Где разведчик и что с ним?» И, не дожидаясь ответа, добавил:

— Дернул же меня черт атаковать «мессеров»... Да и упустить такой случай... тоже преступление... Вот и решай... А времени нет!

— Не волнуйся, капитан. Вон он целехонький, — указал на дальнюю стоянку Пасько. — Пока мы с фрицами возились, он задание выполнил! У Кислякова просветлело лицо и он, словно оживая, устало улыбнулся.

— А как бой закончили?

— Я одного подбил, — доложил Пасько.

— И я одного, — в тон ему добавил я.

— Что ж, четыре штуки — это неплохо.

На командном пункте, где находился генерал Полянин, было жарко и накурено, хоть топор вешай. Мы, еще не остывшие после воздушного боя, впятером вошли и скромно астали около окна, опустив головы. Пять молодых парней. Генерал разгова-

ривал по телефону с командиром.

— Да, да, разведчик задание выполнил, — докладывал он, стараясь перекричать грохот работающих на улице моторов. — Где Кисляков? Здесь стоит передо мной... Наказать... Всех строго наказать? — переспросил он.

— Хорошо, будут направлены в штрафной батальон.

Закончив разговор, генерал сурово посмотрел на нас.

— Слыхали? — поднялся он со стула. — Будете знать, как самовольничать. А если б разведчик не вернулся... Что тогда? Как тогда докладывать в Ставку?

В землянке воцарилась неприятная тишина.

— Я во всем виноват, меня и судите, — глухо обронил Кисляков.

— А кто же еще? — подтвердил генерал. — С вас и ответ вдвойне. Можете идти.

Вечером в кабинете командующего воздушной армией состоялся крупный разговор.

— Даниил Федорович, — убеждал Кондратюка заместитель по политической части полковник Выволокин. — Ведь летчики подвиг совершили. Из восьми самолетов половину уничтожили... Причем, дрались в меньшинстве. Это же настоящий подвиг! Может, воздержаться от наказания?

— Но они не выполнили приказ. На произвол судьбы бросили разведчика, — стоял на своем Кондратюк.

— Это все так, — примирительно сказал начальник политотдела армии полковник Драйчук. — Наказать бы следовало, но разведчик задачу выполнил и ничего с ним, к счастью, не случилось. А если бы они не атаковали немцев, если бы не навязали бой, тогда неизвестно, какой бы получился результат...

Командующий вышел из-за стола и, заложив руки за спину, как это он любил делать, прошелся по комнате.

— Хорошо, — решительно сказал он. — Уговорили. И вот еще что, Андрей Федорович, — обратился он к Выволокину. — Поезжайте-ка завтра к Родионову, скажите, что наказание Кислякову и его орлам отменяется. Но сделайте строгое внушение, как положено. И еще просьба: пусть они распишут во всех подробностях этот бой. Что принесло им победу! Напечатаем в нашей армейской газете «Сокол Родины». Другим польза будет.

Когда Выволокин и Драйчук уже собрались уходить, командующий попросил:

— Полковнику Иванову передайте: Кислякова и его орлов представить к награде. Завтра же. Все.

Спустя некоторое время довелось встретиться со сбитым мною летчиком. Это был отваженный фашист, и он, во что бы то ни стало, пожелал увидеть своего победителя; никак не мог поверить, что такого известного аса мог сбить простой советский летчик.